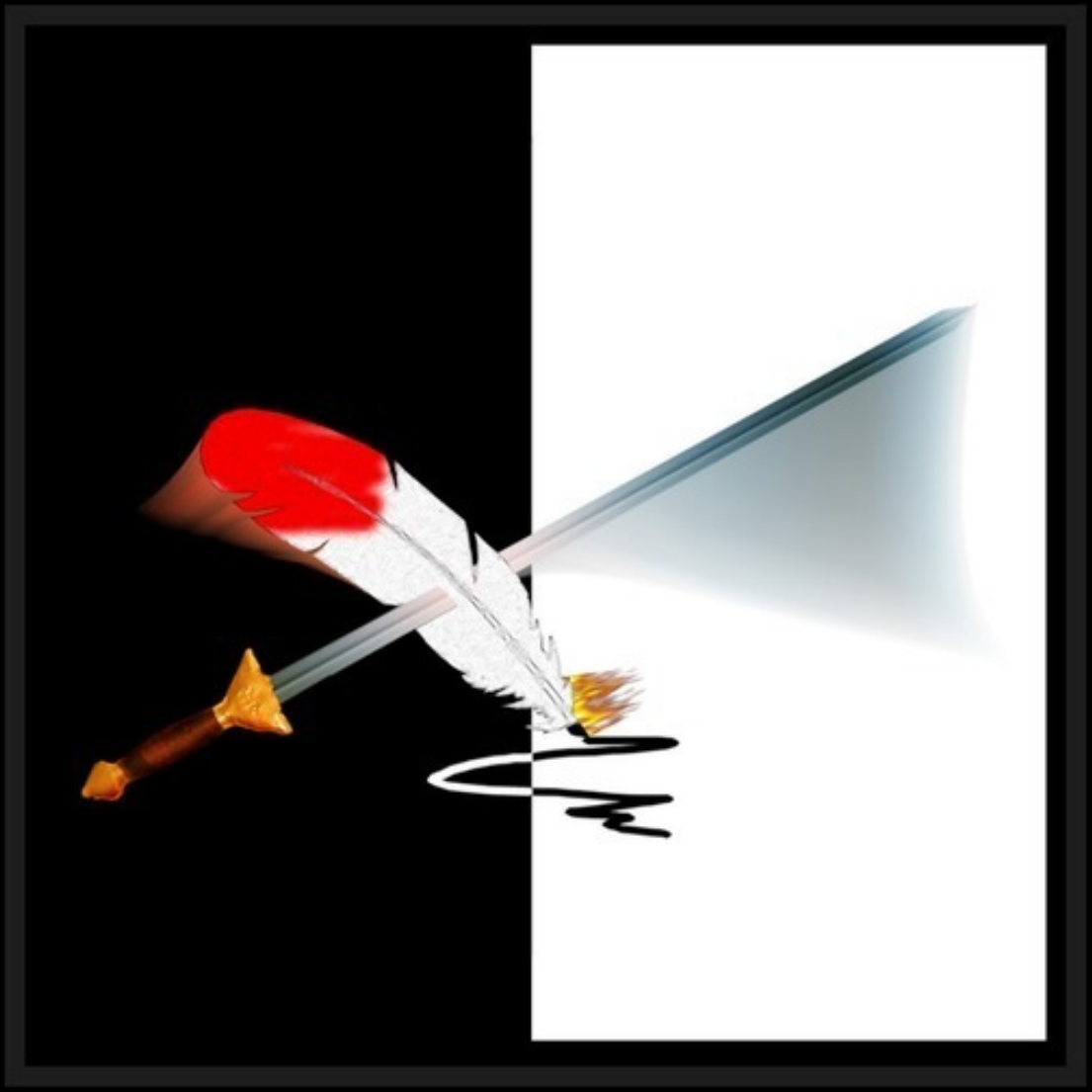
ПАМЯТЬ

Евгений Чертовских



Сборник рассказов

Евгений Чертовских

Память. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Чертовских Е.

Память. Сборник рассказов / Е. Чертовских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908094-3

Сборник объединяет несколько рассказов и повестей, охватывающих период с 1931 по 1946 гг. Читатель вместе с героями проживёт довоенные годы, в том числе и голодную зиму 1932 года, встретит первый день Великой Отечественной войны, проведёт несколько месяцев в госпитале, глазами солдата увидит войну. Встретит 9 мая 1945 года и съездит в полный приключений первый в жизни отпуск.

ISBN 978-5-44-908094-3

© Чертовских Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
ИСПЫТАНИЕ 7
ТАК ПРИШЛА БЕДА 15
ВОЗВРАЩЕНИЕ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Память
Сборник рассказов

Евгений Чертовских

Редактор Марина Леонидовна Чертовских

© Евгений Чертовских, 2018

ISBN 978-5-4490-8094-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
По воспоминания моего отца,
Чертовских Виктора Дмитриевича.
Персонажи и события реальные

От автора

В детстве я очень любил слушать воспоминания отца и деда о временах их молодости, о войне, мне были интересны события и люди, о которых шла речь. Со временем эти рассказы возникали в моей голове в виде образов, которые мог видеть только я.

Проходили годы, ушёл из жизни мой дед, Дмитрий Сергеевич, человек с нелёгкой судьбой, прошедший две войны. Отец, который стал вести записи о былых временах, говорил о том, что обязательно надо всё записывать, а то забудутся имена людей, которые прошли с ним по жизни рядом, их судьбы, события прошлых лет.

И вот, нет отца. В столе лежат его записи, написанные красивым подчерком, характерным людям его времени. Пред своей смертью, отец просил меня сохранить эти записи, как память, которая связывает нас с прошлым и которая должна быть передана потомкам.

Я несколько раз перечитывал записи отца. Как в детстве у меня возникали образы, навеянные прочитанным, и я взялся за «перо».

Этот сборник объединяет несколько рассказов и повестей, охватывающих период с 1931 по 1946 года. Читатель вместе с героями переживёт довоенные годы на юге Урала и в Северном Казахстане. Ему придётся пройти с восьмилетним мальчиком, в голодную зиму 1932 года, по дворам, прося милостыню, встретить первый день Великой Отечественной войны, провести несколько месяцев в госпитале, глазами солдата увидеть войну. Со слезами на глазах, читатель, встретит день 9 мая 1945 года и съездит в полный приключений первый в жизни отпуск.

Наша память не даст забыть кто мы.

ИСПЫТАНИЕ

К дому подъехала черная легковая машина «воронок». Вошли двое военных, уточнили, кто здесь живет, и представились сотрудниками ГПУ. Хозяйку дома попросили вывести из дома старших детей и приступили к обыску. Паша, напуганная прибытием таких «гостей», безропотно показывала свое небогатое хозяйство. Приехавшие осмотрели имущество, перелистали стопку тетрадей и служебных бланков на столе, ничего не найдя уехали.

В этот вечер Дмитрий не пришел домой, измученная ожиданием Паша не знала что подумать. Однако муж не пришел и на следующий день.

– Паша, что случилось? – спрашивала соседка. – Что за люди к тебе приезжали вчера?

– Не знаю, – грустно ответила уставшая женщина, села и заплакала. – Из ГПУ приезжали, обыск в доме был. Ничего не говорят. Где Митя, не знаю.

– Поезжай в город.

– Да, Настя, я так завтра и сделаю. Присмотришь за детишками?

– Конечно, конечно. Не волнуйся.

На следующий день Паша пошла по районным инстанциям, пытаясь выяснить судьбу мужа, но никто толком ничего не сказал. Не знали в маслопроме, не знали и в райисполкоме, а в райкоме партии посоветовали обратиться в ГПУ. Она пошла в это красное двухэтажное здание на углу площади, обратилась к дежурному и, сдерживая рыдания, рассказала, что второй день как пропал её муж. Дежурный налил стакан воды, подал его Паше.

– Успокойтесь, я сейчас всё выясню.

Он зашел на несколько минут в соседнюю комнату.

– Ну вот, всё понятно, – улыбаясь, проговорил дежурный. – Ваш муж сейчас занят, а как только освободится, сразу же придёт домой. Ступайте.

Взяв Пашу под локоть, он практически выпроводил её из здания ГПУ. Для неё стало ясно, что Дмитрий сидит здесь, а вот за что посадили – неизвестно. Может быть случилось что-то на работе, но тогда бы она знала. Скорее всего, донос, ведь за последнее время этот метод стал часто практиковаться. Кому-то неугоден человек, раз на него анонимку, смотришь, и нет этого человека на свободе.

Дома соседка вместе с детьми встретила Пашу.

– А где папа? – спросил старший сын.

– В доме на углу, – отвечала мать, не зная как ответить по-другому.

Потянулась неделя, за ней другая, а Дмитрия по-прежнему не отпускали.

Прошло еще с десяток дней томительного ожидания, и вот, под вечер, появился Дмитрий Сергеевич. Паша так и ахнула, увидев его. Выглядел он худющим, заросшим большой щетиной, на висках засеребрилась седина. Был угрюм и неразговорчив, на вопросы жены и детей отвечал односложно. В следующие два дня куда-то молча уходил, возвращался ещё мрачнее. Паша, набравшись духу, спросила:

– Митя, что делать-то будем?

– Собирайся! С должности сняли, из партии выгнали. Уедем отсюда, смотреть ни на кого не могу, – не поднимая головы, отрывисто бросил Дмитрий.

Так закончилась деятельность Дмитрия в должности начальника маслопрома Пономаревского района. На партийном собрании никто не выступил в его защиту, а Дмитрий и сам не понимал, в чём его вина. С дружками после работы часто в пивную ходил, это да, было. Любил шумные компании, а там, разговоры разного толка, анекдоты, шутки.

– Вот и дошутились, – сам себе ответил Дмитрий на свой же немой вопрос.

Стояли последние дни августа 1931 года, когда приехали на станцию Казалинск. Был еще непоздний вечер, хотя солнце уже уходило за горизонт. Прохладно, неприветливо, кругом не убрано, не ухожено. На немощеных улицах, выходивших к железнодорожной станции невысокие саманные домики, многие из них с выбитыми стеклами. Гулял слабый ветерок, таская взад-вперед валявшийся мусор. Настроение у жены резко упало, видя такой дискомфорт, дети сбились в кучку, молча наблюдали невеселую картину. И как тут веселиться, когда у Паши на руках шестимесячная Роза, рядом трехлетний Саша и шестилетка Витя, да и ещё верный пёс Ермак.

– Митя, – робким тихим голосом обратилась Паша к мужу, – как жить-то будем?

– Проживём! Пошли за мной.

Так и жили. Дмитрий работал на приёмке спецгрузов, а Паша, целыми днями в саманке с детьми.

В марте 1932 года Дмитрия Сергеевича с семьёй из Казалинска срочно перевели на станцию Терень-Узяк. Только обустроились на новом месте, а в апреле его уже переводят в другое, и семья оказывается на малюсенькой станции Керкелмес.

Это был заброшенный богом и людьми уголок Средней Азии. И понятно, здесь из европейцев долго никто не задерживался. Условия жизни были крайне тяжелые. На полустанке – всего два маленьких одноэтажных, кирпичных здания, принадлежащих железной дороге, а остальные жилища и постройки представляли собой глинобитные домишки с земляным полом и плоской крышей из камышовых связок. Другим видом жилищ были юрты.

Жили на полустанке в основном казахи и киргизы. Очень плохо было с питьевой водой. Вода привозная, и ту нельзя пить, не прокипятив. С раннего утра, у стоявшей на путях железнодорожной цистерны, выстраивалась цепочка людей с ведрами, бурдюками и другой посудой.

Кругом, насколько охватывал взгляд, виднелись однообразные песчаные дюны и ни одного деревца. В мае месяце дневная температура уже перевалила далеко за двадцать. На небе ни облачка, воздух без движения и только чуткий слух улавливает звук поющего песка на дюнах.

Саманная мазанка, в которой разместился Дмитрий с семьей, была настолько ветхой, что, ткни её кулаком в любом месте – будет дыра. А ночами в ней стучали от холода зубами. Жить здесь с семьёй было невозможно. Паша, приехав в этот район, стала постоянно болеть.

– Митя, плохо мне здесь. Не могу. А от меня и детям плохо, не выходим их.

– Честно говоря, мне тоже не нравится эта планета, – произнося эти слова, Дмитрий смотрел в пол. С тех пор, как они покинули родное село, он редко смотрел в глаза жене. Понимал, что за ним вина, из-за него семья мучается.

Показав жену врачу, он заручился бумагой, в которой указывалось, что «… климат не позволяет Прасковье Васильевне находиться в этих местах»… и начал ходить по начальству, писать в вышестоящие инстанции.

Наконец, в начале июня Дмитрия Сергеевича перевели в Кызыл-Орду. Здесь семья получила глинобитный домик. И вот, вроде, жизнь начали устраивать, но пришел июль месяц, а в июле в этих местах такая жара, что в песке хоть яйца пеки. Растительность пожухла. Днём солнце висит над головой, воздух без малейшего движения и всё вокруг замирает. Из людей, в это время, мало кто появляется на улице. Над притихшими домами безмолвие.

С наступлением жаркого времени Паша опять жаловалась на головные боли, целыми днями сидела дома. Порошки, которые доставал для неё Дмитрий, ни какого облегчения уже не давали. Она все настойчивее просила мужа уехать из Азии, вернуться на родину.

У Дмитрия Сергеевича был помощник – Никифор Шестозубов, тоже русский, он жил в соседнем доме со своей семьёй. Сын Дмитрия – Витя и сын Фёдора – Ваня, целыми днями играли вместе с местной детворой. Тут собралась небольшая дружная многонациональная компания. Самым интересным занятием было прыгать с подножки идущего поезда. Садились

на подножки вагонов поездов местного сообщения и уезжали за пределы станции, поближе к аулам. А там, на ходу прыгали с подножек поезда. Основная насыпь железной дороги была отсыпана из песка, прыгать на такую насыпь не стоило большого труда.

– Развернись по ходу поезда, – поучал Иван неопытного пацана, – и прыгай чуть вперед, соберись калачиком и как песка коснёшься, перевернись через голову.

После прыжков обычно шли на бахчу или в какой-либо аул. В ауле забирались на крыши и собирали на них, а точнее крали, вяленые дыни, порезанные длинными лентами.

В один из дней, как обычно, сели ребята на местный поезд. Все разместились на двух подножках, последним цеплялся Иван Шестозубов. Ухватившись за поручни, он ногами встал на самую нижнюю ступеньку.

– Ваня, – перекрикивал стук колёс Витя, – поднимайся ко мне, уместимся.

– Нет. Тут хорошо, – мотая головой, ответил Ваня.

У границы станции, на последней стрелке, вагон сильно качнуло, ноги Ивана соскочили с подножки и угодили под колесо. Витя, увидев друга под поездом, не раздумывая, спрыгнул на насыпь, вцепился в Ивана и выдернул его из-под колес.

Но было уже поздно. Стопа правой ноги представляла собой кровавое месиво, а левую ногу отрезало выше щиколотки и кровь из неё била маленьким фонтанчиком. Сняв с себя рубашонку, Витя пытался завернуть изуродованные ноги друга, но у него ничего не получалось. Он плакал, размазывая по щекам слезы вместе с Ваниной кровью. Ему было жалко товарища и обидно за себя, что ничего не может сделать. Кто-то из соскочивших ребят тоже снял рубашку, и тогда они общими усилиями кое-как замотали ноги. Подняли Ивана на руки и понесли в сторону станции.

За всё время как с Иваном случилась беда, он не издал ни единого звука. Став как белое полотно, он поминутно спрашивал Виктора:

– Витя, а Вить, ноги у меня вырастут? Они будут такими, как и были?

– Потерпи немного Ваня, потерпи, ноги заживут, вырастут, – отвечал Виктор, удерживая его ноги замотанные в набухшие кровью ребячьи рубашки.

Через несколько минут, случайно или кто-то послал, против них остановилась ручная дрезина. Усадили на неё Ивана и Виктора, и быстро погнали в сторону станции. Дорогой Иван просил Виктора и всех взрослых, чтоб не говорили о случившемся его отцу.

Как только остановилась дрезина, пожилой мужчина, ссаживая Виктора, негромко сказал:

– Беги парень, потихоньку скажи о случившемся своим родителям.

Витя прибежал домой бледный, перепачканный кровью. Мать, увидев его, тихо присела на пол, схватилась за грудь, и негромкий стон беды донесся до соседей. Виктора трясло, как в малярии, и прибежавшая Акулина, мать Ивана, вместе с Пашей долгое время ничего не могли понять. А когда Акулина поняла, что произошло, душераздирающий крик огласил округу. Теперь Паша успокаивала обоих. Она накапала несколько капель какого-то снадобья в стакан и заставила их выпить. Виктор вскоре заснул.

Пришедший с работы Дмитрий взял Акулину с Никифором, и заспешили в больницу. Вечером, во двор пришла какая-то женщина, отозвала Дмитрия и попросила его зайти на следующий день в больницу. Узнав, что отец пойдет в больницу, Витя упросил его взять с собой, очень хотелось повидаться с Ваней. К сожалению, к Ивану никого не допускали, а Дмитрия пригласили к врачу. Он зашел в кабинет, оставив сына за дверями. Хотя Витя и был в коридоре, но многие слова при разговоре отца с доктором он хорошо слышал.

– Большая ли семья у пострадавшего мальчика? – спрашивал доктор.

– Отец, мать и младшая сестра.

– Родители между собой ладят?

– Хорошая семья, – немногословно отвечал Дмитрий.

– Плохи дела. Большая потеря крови, одна нога отрезана, другая… мягко скажу изуродована. Будем стараться, но боюсь…

Говорили долго и о многом. Из этого разговора Виктор в ту пору ничего не понял, и только через многие годы он поймет, что речь тогда шла о жизни Ивана.

Дня через три после посещения Дмитрием Сергеевичем больницы, пришло извещение о смерти Ивана. Гангрена.

Проходили месяцы, здоровье у Паши не улучшалось. К осени она вообще еле передвигала ноги по дому. В такой обстановке все помыслы сводились к одному – к быстрейшему возвращению на родину. Дмитрий ехать в Романовку не хотел. Он по-прежнему не мог спокойно вспоминать, как его оговорили, очернили, без причин сняли с работы и исключили из партии. А самое обидное то, что его не захотели выслушать, даже из друзей никто не выступил в защиту. Написал письмо в ЦК ВКП (б), однако, и оттуда никакого ответа. Да и как его можно получить, если год бросают с места на место. Где и кто будет искать. А тут вот Паша совсем расхворалась и каждый день один и тот же разговор:

– Увози, Митя, отсюда, поехали в Романовку.

И Дмитрий решился, ссылаясь на болезнь жены, уволился с работы. Он решил завести семью в Романовку, а самому проехать в Днепропетровск.

Распродав небогатое имущество, Дмитрий пошел покупать железнодорожные билеты. И тут выяснилось, провоз животных на транспорте категорически запрещен в связи с карантином. Пошел к начальнику станции, с которым был в хороших отношениях, но и тот сказал:

– Билет на собаку я тебе дам, но при первой же проверке собаку с поезда снимут. Мой тебе совет, продай ты Ермака мне. Вот посмотри приказ о запрещении провоза животных. Собаку я знаю, можешь мне поверить, она будет в хороших руках.

Дмитрий сердцем и умом понимал все это, но он не мог представить свой дом без Ермака.

– А детям я как объясню продажу Ермака?

– Но деваться-то всё одно некуда, – настаивал начальник станции.

Собаку он все же продал, а накануне отъезда после ужина, рассказал семье, что продал Ермака. Детям объяснили, что продали лишь потому, что по железной дороге не пропускают – карантин. Но эти доводы никого не убедили. Поднялся такой плачь, хоть из дома беги. Плакали дети, скулила собака. Пёс, как будто, чувствовал, что речь идет о нем, о его судьбе. Он не стал принимать пищу, положил голову на лапы и тихо скулил как от зубной боли. Паша гладила собаку по голове и говорила как с человеком:

– Ну что ты плачешь, никто тебя не обидит, успокойся.

Пес притих, но пищу не принял. Утром, пока дети спали, Дмитрий Сергеевич отвел Ермака к начальнику станции. А вернувшись домой, застал уже не плачь, а рёв детей. Ему и самому было не по себе.

– Цыц всем! – Дмитрий обвёл суровым взглядом семью. – Собираемся!

Все притихли. Быстро собрались и, размазывая слезы по щекам, пошли на станцию.

Подошёл поезд, в вагонах все окна раскрыты – душно. Разместились всей семьёй в одном купе. Шестозубовы, провожавшие их, попрощались и вышли из вагона, сопровождаемые Дмитрием. Витя с Сашей смотрели из открытого окна своего купе на провожающих, вдруг увидели бегущего вдоль поезда Ермака. Увидев своих, пёс, не раздумывая, прыгнул в купе через окно. Оказавшись на полу, Ермак крутнулся на месте и нырнул под нижнюю полку. Обрадованные дети закрыли собой собаку. Поезд, как назло, не отправляли, дети волновались, вдруг начнут делать обход. И действительно, вскоре в вагон пришел начальник станции.

– Дмитрий Сергеевич, Ермак сбежал, посмотри, может быть, он у твоих парней? – сказал он, подходя к купе, где разместилась вся семья.

Ещё никто, ничего не спрашивал у детей о собаке, как вдруг оба сына заревели.

– Чего ревете? – спросил отец

А сам уже разглядел за стоявшими детьми торчавший нос Ермака из-под нижней полки. Всё стало ясно. Он легонько отстранил ребят, взял за ошейник собаку и вытащил из-под полки. Ермак скулил, упирался, не хотел выходить. В купе разразился плач, к двум ревущим мальчишкам присоединилась и маленькая Роза. Не обращая внимания на детей, Дмитрий Сергеевич вывел собаку на перрон и передал начальнику станции. Вскоре дали отправление поезду. Вся семья, стоя у вагонного окна, со слезами на глазах смотрела на своего любимца, удерживаемого за ошейник новым хозяином. Пес жалобно скулил вслед уходящему поезду.

Лето 1932 года было неурожайным, и у всех вставал вопрос, как дотянуть до нового урожая. В это нелёгкое время в Романовку приехала с тремя детьми Прасковья Васильевна. Местные были крайне удивлены приезду односельчанке, да ещё и без мужа.

Приехав в село, Паша обнаружила, что от их дома остались одни развалины. Из родных в селе тоже почти никого не осталось. Брат Афанасий умер, второй брат Максим председательствовал в селе Залесово, племянник Иван работал трактористом в отдаленном совхозе. Единственными кто остался в Романовке это был дядя Владимир и сестра мужа Федосья. Но у обоих в домах было тесно от народа.

На другой день после приезда Прасковья Васильевна пошла в правление колхоза «Большевик», там написала заявление с просьбой принять её в колхоз, определить на работу и дать какое-либо помещение для жилья. Члены правления колхоза проявили чуткость, и уже через день она получила комнатушку в доме, принадлежащем когда-то сельскому врачу. Теперь в этом доме размещалась столярная мастерская. В передней части дома, где переодевались плотники, устроили комнатушку метров в двенадцать и отдали её Прасковье Васильевне с детишками.

Паша стала работать в этой мастерской истопником и уборщицей. Работать тут же, где живешь, для женщины с тремя малыми детьми лучшего и придумать нельзя. К тому же, рядом дом сестры, есть к кому пойти, посоветоваться, рассказать о наболевшем. Так и стали жить.

Однако, вскоре привезенные с собой продукты подошли к концу и пришлось менять на продукты сначала свои вещи, а потом и детские.

В январе месяце в семье практически не осталось ни вещей, ни продуктов. Плотники, работающие в мастерской, видя, как бьётся и бедствует Паша с ребятами, подсказали ей, чтобы шла к председателю колхоза просить помощи. И она пошла в правление колхоза. Председатель, выслушав, не поднимая глаз, глухо ответил.

– Верю, что детей кормить совсем нечем, – сглотнув слюну, продолжил, – рад бы вам помочь, но закрома пусты, а голодающих в колхозе много. Не обессудьте, пока помочь нечем. Как только будет малейшая возможность, вам поможем.

– Спасибо на добром слове, – сквозь слезы ответила Паша, повернулась и пошла, не видя дороги, слезы катились из глаз. Чем же кормить детей?

С каждым днём ситуация с продовольствием на селе ухудшалась, стали пропадать собаки и кошки. Ловили ворон и других птиц, обитавших рядом с человеком.

В конце января Вите посчастливилось поймать нескольких ворон. Сваренный из них суп с добавлением какого-то зерна, казался праздничным обедом. Каждую птицу варили по два раза, чтоб растянуть насыщенный бульон на несколько раз.

Паша уже обошла всех своих старых знакомых, выпрашивая у них что-нибудь из съестных припасов. Пришлось идти по второму разу. Заметила, людям не до неё. Круг знакомых сузился и, наконец, настало время, когда просить было не у кого. В семье стало уже правилом кушать в сутки один раз и то только светлую болтушку из отрубей. Но все чаще стало случаться, когда есть было вообще нечего. В такие дни всей семьей сидели на лежанке, спать ложились рано все и в одну постель, согревая друг друга собственным теплом, пытаясь забыться,

отвлечься от постоянно сосущего голода. И только Роза, маленькая Роза не переставала плакать, повторяя одну и ту же фразу: «Ой, есть хочу». Она была настолько худа, что, казалось, просвечивается как стеклянная, а светлые длинные жиденькие волосы ещё больше подчеркивали её худобу.

В феврале, дней, когда нечего было есть, становилось больше и больше. Паша видела и чувствовала, как с каждым днем силы покидают всех. Укладывая детей спать, с ужасом думала, что вот если так и дальше будет продолжаться, то в одну из ночей все заснут и больше не проснутся.

– Витенька, – сквозь слёзы говорила Паша, – миленький, третий день не ели, на тебя одна надежда, собирайся.

– Куда, мама? – большие глаза сына смотрели на мать.

– По дворам. Людей попроси. Люди добрые, не дадут умереть с голоду.

Сыну шёл восьмой год, и он был настолько слаб, что в прямом смысле его качало ветром. Дорога из дома через мост ему давалась с великим трудом. Холодный колючий ветер сбивал Виктора с ног, глотая слёзы, он медленно поднимался, держась за перила, шел, отдыхал и опять шел. Шел к людям просить подаяние, чтоб не умереть от голода. Заходил в дом и, не поднимая глаз, просил: «Подайте, пожалуйста, чего-нибудь… у нас совсем нечего есть…», и ждал, опустив голову, что скажут в этом доме. Тот, кому не приходилось просить милостыню, не испытал на себе роль побирушки, тот не знает как это тяжело. Да ещё если во многих домах и подать-то нечего.

Где-то встречали с человеческим пониманием, с чувством глубокого сострадания, и делились, чуть ли не последним. А были дома, в которых сами сидели голодные и отвечали, глядя печальными глазами, что рады бы подать, да сами сидят без пищи. Но было и так, что встречали с пренебрежением, с дикой ненавистью, могли обругать, обозвать, а то и припугнуть собаками. Правда, к великой радости последних было не много.

Выйдя из очередного дома, Витя сел в снег и заплакал. Хотелось громко зареветь, чтобы весь мир слышал, как он униженный и беззащитный проклинает этот свет. Хотелось упасть в снег, зарыться в него и больше не двигаться, заснуть. Но мысль о голодной семье заставила его встать. Надо идти. В следующий дом, зная о том, что тебя там никто не ждёт, и могут в очередной раз прогнать.

Мать была права. В мире больше добрых людей, чем жадных и злых.

Тихо со скрипом отворилась дверь. Повеяло холодом. Паша прижала к себе детей, и не моргая смотрела в холодный полумрак. Из дверного проёма, как приведение, появилась фигурка старшего сына, покрытая снегом. Ноги у Виктора подкосились и он сел на пол у порога. Мать бросилась к сыну.

– Ма, – раздался тихий голос, – я при… – зубы стучали и не давали возможности говорить.

– Тихо, тихо, – мать быстро раздевала сына, – к печке, к печке быстрей.

Из холщёвого мешочка Паша выложила на стол две картофелины, одну свеколку, завязанную тряпицу с горстью пшена. На дне мешочка имелось небольшое количество отрубей.

Паша посмотрела на сына. Витя сидел на корточках, прижавшись к небольшой печке. Его била сильная дрожь.

Под весну, правление колхоза нашло возможным выделить, голодающим семьям, азатки – мелкое нестандартное зерно злаковых. В обычное время это отдавалось на корм скоту. А для голодающих, это было как «манна небесная».

Паша на свою семью получила два пуда таких азаток. Привезли они с Виктором этот мешок домой, всей семьей перебрали по зернышку. Отобрали зерна пшеницы и ржи, потолкли их в ступе, просеяли.

– Ну вот, до весны доживём, а там и трава зазеленеет, – говорила Паша детям.

Муку завязали в узелок, из неё стали иногда варить «затируху», а из осколков зерна варили супы. Оставшиеся зерна от других трав, небольшими порциями парили и приготавливали своеобразную кашу.

Дни становились длиннее, солнце поднималось все выше и выше, с крыш повисли длинные прозрачные сосульки – предвестники скорой весны. В конце апреля появились большие проталины, проснулись и вылезли из нор суслики.

С появлением сусликов Витя стал ходить их «вылавливать». Рацион пищи в доме изменился к лучшему. Кроме этого, как подсохла почва, стали ходить на поля собирать колосья злаковых, ходили в лес собирали прошлогодние желуди, сушили их, толкли, и делали из них лепешки.

Весной закрыли столярную мастерскую. Прасковью Васильевну теперь посылали работать в поле, там кормили обедом. Мать что-то «отрывала» от себя и несла домой детям.

Оставаясь дома под присмотром Виктора, дети изыскивали разные возможности найти что-либо поесть. Собирали по весенним огородам все, что осталось незамеченным во время уборки осенью, выкапывали всевозможные корневища.

Жизнь продолжалась.

Летом 1935 года неожиданно в Романовке появился Дмитрий Сергеевич с заплечным мешком и пузатым баульчиком в руке, кисть его левой руки была забинтована. Опросив людей, разыскал семью. Радости не было предела. Дети вились вокруг отца и по очереди забирались к нему на руки. Паша стояла у стола и плакала. Плакала от счастья, муж вернулся. Теперь вся семья вместе. Дмитрий одарил жену и детей небольшими подарками и побежал повидаться с сестрой.

Вечером собрались родные. За столом Дмитрий Сергеевич рассказал, что жил и работал в Днепропетровске. Там, работая на прессе, по неосторожности попал левой рукой под пресс. Но ему повезло, раздобрило только два пальца, операцию делали опытные врачи и пальцы восстановили.

– Правда, пока они плохо гнутся, – демонстрируя покалеченные пальцы, говорил Дмитрий, – но сказали, со временем разработаются.

– А к нам-то, как? Насовсем или как? – интересовались старики.

– Пока на больничном. Вот, приехал повидаться с семьей.

Паша сидела на лавке бледная, как снег.

– Митя, – глядя на Пашу, заговорила сестра. – Жена с детьми, вон смотри, перенесли какие лишения. Жизнь начинает налаживаться. Оставайся. Без тебя как без рук.

– Посмотрим, – нахмурился Дмитрий Сергеевич и задумался.

Гости расходились за полночь. Прощаясь, каждый считал своим долгом сказать Дмитрию, что надо обязательно оставаться, мол, хватит по свету таскаться.

Утром следующего дня Дмитрий походил по двору, осмотрел дом и все его постройки, заглянул на «зады». Сел на скамейку у входа в дом и закурил. Четыре года прошло с тех пор, как он с семьёй покинул родные края. Правильно ли поступил, что увёз семью? Сколько из-за этого пришлось им перенести тягот и лишений.

Докурив, Дмитрий достал ещё одну папиросу и вновь закурил. Теперь он смотрел на небо. Чистое голубое небо казалось бесконечным. Жаворонок застыл на месте. Думалось, вот так бы сейчас, как эта птичка, взлететь и лететь без остановки, всегда, вечно.

Дмитрий Сергеевич пошёл в дом.

– Сынок, Витя! – позвал Дмитрий, – найди-ка мне пару листов чистой бумаги и ручку с чернилами.

Виктор порылся в своих тетрадях, нашел, откуда можно было вырвать листы, и подал отцу, вместе с ручкой и чернильницей.

– Мить, ты чего это? – испуганно спросила жена.

– Все! Остаюсь! Никуда больше не поеду, – растягивая слова, не переставая дымить папиросой, сказал он.

Жена и старший сын, молча, смотрели на Дмитрия, а он сидел и писал заявление на завод в Днепропетровск, с просьбой об его увольнении.

2016, декабрь

ТАК ПРИШЛА БЕДА

Жили на селе два брата, Носовы. Оба Ивановичи. Одного звали Стефан, а другого Семён. Глянешь на них и сразу понятно, что это родные братья. Оба высокие, худые, с узкими длинными лицами, на которых выделялись крупные с горбинкой носы и толстые губы. Говорили они негромко и немногословно. Однако, за грубыми чертами их лиц и нескладными фигурами скрывались добрые, отзывчивые сердца и кроткий нрав.

Оба брата были мастеровыми людьми. Стефан Иванович в свободное время любил повозиться с раскаленным металлом у кузнечного горна, а Семён Иванович, увлекался радиоделом. Ещё в 1938 году он собрал детекторный радиоприёмник, позднее сам его усовершенствовал и теперь ежедневно слушал известия из Москвы.

Село в ту пору ещё не было радиофицировано, а газеты приходили только на третий день после их выхода.

Случалось, мужики остановят Семёна Ивановича и спрашивают: «Скажи-ка Семён Иванович, какие там новости передаёт Москва?». И Семён Иванович своим негромким голосом рассказывал мужикам о новостях переданных из Москвы, о международной обстановке, о делах внутри страны.

В воскресенье, 22 июня 1941 года пообедав, он уселся послушать радио. Надел наушники, включил приёмник и полилась из него музыка. Вдруг, мелодия оборвалась. Семён Иванович посмотрел внимательно на радиоустройство.

– Сломался что ли? – хотел было покрутить ручку настройки, но тут чёткий проникающий голос Левитана объявил о чрезвычайном сообщении Советского правительства.

С правительственным заявлением выступил Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. В заявлении говорилось о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину, о том, что уже к четырём часам утра немецкие самолёты бомбили города на Украине и по побережью Чёрного моря, что с раннего утра по всей Западной границе идут тяжёлые бои с фашистскими захватчиками.

От услышанного его бросило в холодный пот. Дослушав до конца сообщение, Семён Иванович выключил приёмник, немного помолчал, набрал в лёгкие побольше воздуха и осипшим голосом сказал жене:

– Беда мать… Война… Немцы напали… Переведу дух и побегу в сельский совет… Расскажу о сообщении.

Жена, не проронив ни слова, смотрела на мужа. Ей захотелось закричать, но на это не было сил. Она напряглась, вот-вот зарыдает, но из глаз вытекла одна слезинка. Что-то внутри не давало вырваться наружу эмоциям, которые сконцентрировались, как критическая масса. Она, молча, прикусила сжатый кулак правой руки.

Семён Иванович не смог больше смотреть жене в глаза. Вяло передвигая длинные, вдруг ставшие непослушными ноги, как-то неуклюже горбатясь, он оставил растерявшуюся жену, и заспешил из дома.

Первым кого он встретил был Степан – шестнадцатилетний сын Лукьяна Ивановича Клеймёнова. Длинный, худой, смуглый в отца, он медленно крутил педали видавшего виды велосипеда, доставшегося ему после ухода в армию старшего брата Сергея, который приехал сейчас в отпуск вместе с женой.

Поравнявшись, Степан с небольшим поклоном головы по-взрослому произнёс:

– Здрасьте!

– Здравствуй, здравствуй Степан. Сергей дома?

– Нет. Он с женой ещё вчера в Федяевку к Мазиной уехал, – сходя с велосипеда, сказал Степан. – Ему отпуска осталось мало, ещё не всех проведал.

– Велосипед-то исправный?

– Да не жалуюсь.

– Тогда поезжай в Федяевку и скажи Серёже, что приключилась беда. Сегодня утром на нас напали немцы.

– Дядь Семён, а Вы ничего не напутали?

– Нет, нет. Только сейчас из Москвы передали правительственное сообщение. Поезжай быстрей, сообщи Сергею, ему же на границу надо спешить. А я бегу в сельсовет рассказать о случившемся, – удаляясь, проговорил Семён Иванович.

Степан посмотрел вслед уходящей нескладной фигуре, и ещё не осознавая всю глубину случившейся трагедии, вяло оттолкнулся, сел на велосипед и без большого желания поехал в Федяевку.

Находившиеся в отпуске Сергей и Аня Клеймёновы, в субботу после обеда отправились в Федяевку навестить родную Анину тётю, воспитавшую осиротевшую Аню.

Тётя их встретила с великим радушием и весь субботний вечер, а потом и с самого утра воскресенья сдувала с молодых пылинки и угощала, так, что казалось они, приехали с голодного края. Она не позволяла им помогать ей. Но Серёжа, всё же, сумел натаскать бочку воды в палисаднике.

О прибытии дорогих гостей вскоре знала вся деревня. Друзья детства и соседи пришли проведать, да и порасспросить как жизнь, как служба на границе. Перед обедом приехал на хорошем тарантасе школьный товарищ Сергея. Застолье было весёлым. У всех было хорошее настроение.

В разгар обеда неожиданно открылась дверь, в дверном проёме стоял Степан. Вид у него был такой, как будто за ним гналась стая собак.

– Всем, добрый день! Серёжа, выйди.

Все в доме недоумённо переглянулись – пацан ворвался на обед, бесцеремонно выдергивает старшего брата из-за стола. Потом, посмотрели на Сергея. Тот, молча, встал и пошёл вслед за Степаном.

– Стёпа, ты что? Не видишь со мной люди?

Степан, как рыба глотал ртом воздух, но ни слова не мог вымолвить.

– Ты… – начал вглядываться в брата Сергей.

– Серёжа…

– Что? Война?

– Да, – закивал головой Степан.

– Давай домой. Мы сейчас приедем.

Не прошло и трёх минут, как Сергей уже появился в дверях. Аня, взглянув на Сергея, сразу поняла, что пришла беда, которой последние месяцы они с Сергеем опасались – на границе война.

– Извините нас. За то, что мы вас покидаем так спешно. Спасибо за гостеприимство, но меня срочно вызывают на заставу, – говоря эти слова, он держал хозяйку дома за руки, а затем, троекратно по-русски поцеловал её.

Все присутствующие были встревожены, слышались негромкие слова-вопросы:

– Что случилось?

– Что произошло?

Когда вышли на улицу, товарищ Сергея уже развернул тарантас и предложил Сергею и Ане подвезти их до Романовки.

– Да, Федя, спасибо! – ответил на предложение Сергей.

– Серёжа, а что так срочно?

– Война Федя. Война. Война с немцами.

Фёдор, не говоря ни слова, свистнул, хлестнул вожжами лошадь, и повозка рванула с места. В поле обогнали Степана, он на обочине натягивал велосипедную цепь. Тарантас начал останавливаться, но Степан замахал рукой и лошадь, подстёгиваемая возницей, продолжила свой бег.

Повозка остановился недалеко от большого моста.

– Федя, спасибо! Мы дальше сами.

– Серёжа! – друзья молча обнялись.

Фёдор, с покриком «Ну, милая!» быстро поехал в сторону своего дома, а Сергей с Аней заспешили к родительскому дому.

– Ань, ты знаешь, – говорил Сергей поддерживаю жену под правую руку, – с этим мостом и моим дядей, Дмитрием Сергеевичем, произошла интересная история, – Сергей пытался отвлечь её от тяжёлых мыслей.

– Да? – как-то без интереса произнесла Аня.

– Попросил он у меня, как-то, велосипед, чтобы съездить на нём в кабак, а на обратном пути упал вместе с велосипедом и покупкой под мост.

Аня хорошо понимала, что Сергей, хотел отвлечь её от дум о скором расставании.

– Смешно, да?

– И как Дмитрий Сергеевич?

– Нормально. Так удачно упал, что отделался лишь испугом.

Видя, как Аня реагирует на его рассказы, Сергей задумался. Сообщение о войне его не удивило, ибо все последние месяцы, там, у пограничной полосы они видели явную подготовку Германии к войне против СССР.

Перебирая в памяти все последние события, Сергей ещё крепче прижал к себе совсем расстроившуюся Аню и не заметил, как ускорил шаг.

Дома, чтобы не расстраивать родителей, сказал, что его срочно вызывают в отряд на службу и что он уедет сегодня же.

– Аня пока останется в Романовке, – заключил он без объяснений.

Мать заохала, запричитала и в слёзы, отец – старый опытный солдат, понял, произошло что-то неладное, не подал вида, не проронил ни слова, вытащил кисет и стал крутить цигарку неслушившимися пальцами.

Постояв среди избы какое-то время, Сергей круто повернулся и, сказав «Я скоро приду», ушёл к дяде, Дмитрию Сергеевичу.

В доме Дмитрия Сергеевича, он увидел дядю за столом, не без удовольствия поедающего окрошку.

– Хлеб да соль, хозяева! – сказал Сергей, войдя в дом. – Дмитрий Сергеевич, извини, но очень надо. Выдь в сени.

Дядя, глянув на племянника, понял, что что-то произошло, раз такой разговор пошёл. Он, молча, положил ложку, встал и вышел в сени вслед за Сергеем.

– Что случилось, Серёженька?

– Семён Иванович Носов передал, что война с Германией сегодня началась. Срочно уезжаю в часть. Думаю, скоро это не закончится. Пришёл попрощаться.

Дядя разразился многоступенчатым отборным матом и потащил Сергея в дом. Позвал жену.

– Война. Немцы напали. Вот, Сергей уезжает, – проговорил он.

Паша ойкнула и тихо заголосила. Дмитрий Сергеевич сверкнул на неё глазами и вышел вместе с Сергеем.

В ночь Сергей уехал.

К вечеру все в Романовском сельсовете знали о случившемся. Когда над селом сгустились сумерки, в село прискакал нарочный из райвоенкомата, привезший первые повестки и мобилизационные распоряжения.

Встревоженное село гудело, как пчелиный улей. Во всех домах, где были мужчины до сорока лет, с вечера стали готовиться к отправке на призывной пункт.

Всю ночь на романовских улицах беспокоился народ. Колыхание огней в густой июньской темноте было тревожным. Непривычно в летней ночи светились окна в домах, пылали жаром неурочно растопленные бабами печи. По селу не утихал, а нарастал разноголосый шум. Из многих домов доносился неистовый женский плач, заунывные причитания старух и крик перепуганных суматохой детей.

Так в Романовке проходила первая военная ночь.

После тревожной ночи, утро наступило, как будто нехотя. Редкая дымка тумана, висевшая над селом, медленно растворялась под первыми лучами солнца.

Вскоре, по улицам села, в направлении сельского совета потянулись подводы, гружёные различными сумками и заплечными мешками, а за ними молодые мужики и парни, сопровождаемые домашними. Одни шли молча, отрешённо глядя перед собой, другие, подвыпив с утра разухабисто пели первую пришедшую на ум песню, побуждали и других последовать их примеру. Третьи, следуя за повозками, вели спокойный деловой разговор, уговаривая близких, просили их не беспокоиться и обещали скоро вернуться домой.

Возле сельского совета собралась огромная толпа народа. Стоял шум. В общем гаме разноголосицы слышались громкие выкрики, песни, кого-то звали, кого-то уговаривали не уезжать, кто-то пьяно что-то доказывал, слышалась гармоника и дробь каблуков лихо отплясывающих парней, плач женщин и детей. И казалось, собралась здесь неуправляемая толпа.

Но вот, на крыльцо вышел с бумагой в руке председатель сельсовета. Внимательно осмотрел собравшихся, поднял руку и попросил тишины. Людская толпа притихла. Наступила «гробовая» тишина. Слышно было только пролетавших мимо мух.

Председатель поимённо назвал тех, кто отправляется с первой партией и обратился к ним с напутственной речью, пожелал благополучного возвращения домой. Толпа всколыхнулась, забурлила, вновь поднялся невообразимый шум.

Одна за другой подводы, окружённые провожающими, двинулись по широкой сельской улице. Вышедшие из домов люди, узнавали провожаемых, прощались с ними, желая скорого возвращения. Так и двигалась эта своеобразная колонна по селу до самого моста. Перед мостом остановились. Женский и детский плач, всколыхнул всех. Стали прощаться. Дальше провожать уже не было смысла. Жёны и дети, матери и девушки, прощаясь, плакали на груди у своих дорогих, близких людей.

Поступила команда и возницы тронули лошадей. Подводы, громыхая по накатанной жесткой дороге, медленно покатились, увозя из села самых крепких мужиков, самых близких сердцу людей. И никто из участников этих событий не мог в ту пору предсказать, кому будет суждено вернуться этой дорогой из кромешного ада войны.

Провожавшие, ещё долго стояли у моста, пока из виду не скрылась последняя подвода.

2017, январь

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Осветительные ракеты одна за другой поднимались над заснеженным полем, освещая окрестности неестественно белым светом. Сапёры медленно ползли в глубоком снегу, прощупывая каждый сантиметр перед собой. Снег хорошо маскировал ползущих, но в то же время мешал им двигаться, набиваясь под одежду.

Дмитрий продвигался осторожно, все чувства были обострены до предела. Он уже сбился со счета, сколько обезвредил противопехотных мин. Опять взлетела ракета. Значит, надо замереть в самый неподходящий момент.

Усталости не чувствовалось. Холода тоже. Вообще ничего не чувствовалось. Чувствительными были только пальцы и больше ничего. Обнаружив очередную мину, Дмитрий говорил себе: «Стой. Не торопись. Враг хитёр, не дай себя обмануть».

Пятый месяц на фронте. Жив! Потерял большую часть земляков с кем пришёл. Гражданскую войну прошёл. Жив! Значит так надо.

Пальцы Дмитрия нащупали мину. Вот она, смерть солдата. Сколько взрывателей? Хитёр фриц. Но мы тоже не лаптем щи хлебаем.

Обезвредив мину, Дмитрий отложил её в сторону, прощупал снег справа и слева от себя, опёрся на левую руку и продвинулся вперёд. Сделал короткое движение правой рукой и… понял, сделал ошибку. Инстинктивно вжался в снег, насколько хватило сил, но тело было непослушно.

Впереди раздался взрыв. Резануло жаром и светом…

По проделанным проходам, на рассвете, солдаты передовых частей устремились на врага, опрокинули его и развивая наступление 15 декабря освободили город Клин.

– Товарищ лейтенант, разрешите трофеев пошукать. Мы быстро, – два солдата стояли перед офицером в ожидании разрешения.

– Только осторожней, не нарвитесь на мину.

Минут через сорок поисков трофеев бойцы развернулись в обратный путь, когда один из них приметил в снегу добротные ботинки.

– Матвей, смотри, целёхонькие.

Оба солдата склонились над ботинками, торчащими из-под снега, и начали их расшнуровывать. Шнурки обледенели, что затруднило их развязывание. Начали стаскивать ботинки, но те плохо поддавались и пришлось изрядно потрясти ноги.

– Матвей! Он живой! – закричал солдат и отпустил ногу «покойника».

– Фёдор, показалось, – ответил Матвей, но тут раздался стон, исходящий из-под снега.

Солдаты начали быстро откапывать раненого. Когда они расчистили снег, их взору открылась страшная картина – руки в крови, лицо представляло собой кровавое месиво. Это был сапёр-штурмовик, через рваный маскхалат была видна кираса.

…Холодно. Почему так холодно? Неужели мы ещё сидим в болоте? Уже двое суток по горло в воде. Когда же наши придут?..

Сознание пришло к Дмитрию, но он ничего не видел. Было темно и холодно. Да, он вспомнил. В болотах на берегу Терека он сидел в гражданскую, когда бандиты загнали их в камыши и двое суток не давали выбраться, отстреливая каждого, кто начинал двигаться. А что сейчас? Бинтуют. Бинтуют голову, шею, руки.

Дмитрий хотел спросить что с ним, но не смог пошевелить губами, попытался сделать какое-либо движение и тут же потерял сознание…

Вновь пришёл в себя. Сколько прошло времени? Голоса. Много голосов. Кто-то стонет. Ему больно. Это, наверное, госпиталь или медсанбат.

Голова гудит, как с хорошего похмелья. Попытка пошевелиться отозвалась острой болью в голове. Стали посещать мысли одна мрачней другой. Приходят из темноты и уходят туда же. Будет ли когда-нибудь свет? Или теперь вечная тьма? Тьма. Тьма…

– … подрыв на мине, большая потеря крови, – говорил явно врач, со знанием дела. – Но ему повезло, серьёзных увечий нет. Вот только с глазами не ясно пока. Кажется, он пришёл в сознание.

Дмитрий приподнял и опустил руку.

– Замечательно! Вы меня слышите?

Дмитрий опять повторил движение рукой.

– Вы находитесь в госпитале, в Москве. Говорить пока не пытайтесь. Всё будет хорошо. Скоро начнём вас готовить к пластической операции. Отдыхайте.

Слова доктора успокоили Дмитрия. Теперь он знал, что с ним. Вот только не понятно было по поводу глаз.

Медленно и нудно потянулись дни. Замотанный бинтами, как кукла, кормят через резиновую трубку, сам себя даже в самом малом не может обслужить.

Дмитрий ощущал себя маленьким беспомощным ребёнком. Вспомнил сестру Федосью. Мать он не помнил, она умерла при его родах. И сложилось же так, что в один день родился он и его племянник. Сестра выкормила и вырастила сына и своего родного брата.

Настал день операции. Дмитрий ждал этого дня с волнением. Одна мысль жгла его сильнее боли – насколько он изуродован. Будет ли он узнаваем?

Операцию делали под общим наркозом. Почувствовав запах эфира, Дмитрий медленно провалился в никуда, растворился телом и сознанием. Очнувшись, первым, что он почувствовал, это своё дыхание. Тут же всю голову пронзила острая боль. Было ощущение, что на голове терновый венец.

– Молодец гвардеец, – услышал голос врача, – всё прошло хорошо. Держись!

Уже шёл 1942 год, Дмитрий Сергеевич всё ещё находился в госпитале. После первой операции по пластике лица были ещё две. И каждый раз врач говорил: «Всё прошло хорошо». А что хорошо, Дмитрий не понимал. Не понимал потому, что после этого следовала очередная операция. Но он верил, что должен наступить конец мучениям.

Не видя абсолютно ничего, он уже чётко понимал когда день, а когда ночь. Всё оказалось очень просто. Днём много разных голосов и стонов раненых, а ночью были только стоны и крики. Засыпал Дмитрий только днём, за многоголосием стоны не так врезались в мозги.

Первыми сняли повязки с рук. Дмитрий Сергеевич медленно пошевелил пальцами. Потрогал ими одеяло, затем, осторожно ощупал пальцами правой руки левую ладонь и пальцы. Остался доволен – пальцы не потеряли чувствительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.